

ОБ ИСКУСТВЕ

Рублёв, Дионисий, Даниил Чёрный... лики икон, фресок... Волнующее искусство... в сопровождении хора, торжестве музыки – до слёз!

Да, я религиозен. Я верю в силу, гипноз, чародейство искусства. Оно окрыляет, очищает, укрепляет. Оно стимулирует жизнь, углубляет, расширяет, удлиняет её. Оно перерождает человека! Если он, шедший другими стезями, отчуждённый от искусства, вдруг наткнувшись, проник в его суть, то становится качественно другим человеком до неузнаваемости и даже для самого себя.

В сущности, искусство оплодотворило религию как таковую. Без искусства религия мрачна, готовит человека не к жизни, а к смерти, полна таинственных, тёмных, страшных, враждебных человеку сил, настраивает его на пассив, бездеятельность, раболепие. Искусство же поднимает, окрыляет, пробуждает способность человеческих свойств видеть и чувствовать природный мир шире, ярче; гармоничным, красивым.

Человек не может жить без красоты, а следовательно, без искусства. Самые отсталые племена, не имея многого, что имеет современный человек, живут вместе с красотой и не отделяют её от себя. Живут синкретично. Они голы, но имеют на себе декор; они дики, но поют и танцуют, сопровождая всё это игрой на примитивных инструментах и, в конечном счёте, Он и Она ищут друг друга в красоте – красоте форм, линий, движений, поступков... Ничего другого не имеют кроме трёх ипостасей: жизнь, пища, декор... Стремление к декору, красоте и породило народное творчество, искусство, которое вылилось в произведение высочайшего проявления духа и гения человека, поражающих воображение... как говорится – божественных! При всём богатстве словарного запаса человечества за века и века так и не нашли ни слов, ни мер, ни причин в описании, рождении и определении способности человеческого духа в создании волнующих произведений! И я верю духу искусства, этому божеству, этой религии!

1986 г.

ПОХВАЛА РИСУНКУ

Ничто не может сравниться с юношеским восторгом перед красотой, перед искусством. Помню, как я смотрел на выставленные рисунки академистов и “репинцев” в стенах нашего художественного училища. Я смотрел, как на чудо, с чувством, которое испытываешь в жизни единицы раз. Мне казалось, что эти рисунки дышат, что они сделаны, выполнены нечеловеческой рукой! Штрихи, их раскладка по форме, разной силы, тональности завораживали меня, ловили в свои сети... и я перед ними был отрешённым от реального мира.

Я смотрел и смотрел... Изображено было несколько обнажённых фигур, мужских и женских, и я увлечённо рассматривал их уже не целюно, конкретно с их пропорциями, выраженными движениями, а само исполнение, моделировки форм, мастерство техники, систему расположения штриха. Их завораживающая красота и сила, через которые вдруг на чистом, плоском листе бумаги, в сущности, как и у тебя... и такое чудо! Изображение полно плоти, формы, материи, гармонии! Художник пишет, лепит, гравировет, чеканит, рубит, режет... Что бы ни делал художник, какому бы виду искусства ни принадлежал, он обязательно рисует. Без рисунка художника быть не может. Скульптор может не писать, гравёр не обязан лепить или живописать. Но каждый из них, будь ты даже только дизайнер, прикладник, — обязан уметь рисовать, именно уметь. Прежде чем приступить к портрету, композиционному решению баталлий, исторической картины и обычного бытового жанра или пейзажа, художник в рисунке выражает, воплощает в набросках, эскизах свою идею, а она требует свободного владения этим, казалось бы, простейшим средством. Рисунок наряду со всеми другими видами искусств и сам является полноценным видом изобразительного искусства. Поэтому художник и проходит, изучает эту серьёзную школу. Это особая культура, через которую художник детально познаёт мир и в нём — человека как главнейшую меру окружающего мира.

Львиная доля всех занятий в учебном заведении — это познание человека, его пропорций, объёма, динамики. Всех студентов учат одному, но как по-разному усваивают они эти задачи и как по-разному они отображают одни и те же постановки. А уж в свободном творчестве, будучи зрелыми художниками, каждый из них имеет уже свой особый почерк и узнаётся по многим индивидуальным признакам. У Александра Иванова рисунок неторопливый, рассудительный, обстоятельный; у Карла Брюллова в рисунках точность, эмоциональность, артистичность; совершенство, отточенность, идеальность линий, аристократизм у Фёдора Толстого; экспрессивность, искрометность и энергичность у Ильи Репина; нервность, хаотичность, трепетность у Михаила Врубеля; лёгкость, виртуозность, песенность линий у Филиппа Малявина.

Можно и далее характеризовать почерк, “философию” рисунка, как и иных, всему миру известных гигантов искусства. А такие фигуры, как Леонардо, Микеланджело, Рафаэль... они будто бы нарочно нам явлены небесами для вечного ориентира в совершенстве искусства и понятия роли и назначения художника. Они — гении общечеловеческой культуры! И как так случилось, что самые известные всему миру гении вдруг рождены в одной стране и в одно время! И все трое тесно пересеклись в своём творчестве. Вот парадокс! А фигуры Дюрера, Гольбейна, Клуэ, Энгра! К счастью, след их творчества, их произведений доступен всем нам. Они проводники, путеводители в трудном, но прекрасном мире искусства. А рисунок нужен не только художникам. Он нужен инженеру, конструктору, учёному, педагогу. Это удивительный язык общения. Ему переводов не нужно. Сколько раз нам приходилось пользоваться им в путешествиях за границей, общаясь с незнакомыми людьми. Да и как оценить дошедшую до нас информацию о нашей общечеловеческой цивилизации через наскальные изображения и многие другие памятники культуры?! С детства до старости язык рисунка сопровождает нас. Умеющий рисовать всегда найдёт себе место в обществе. И сколько людей уже в пожилом возрасте приходят к этому волшебному средству и посвящают свою жизнь этой новой страсти. Не реализованной по многим причинам ранее. Пишут, лепят, вырезают, однако основой всему этому является рисунок... такой скромный и простой вид художественной деятельности, без которого не обходится ни один великий художник! Владеющий рисунком ярче, образнее видит мир, у него богаче воображение! И тому пример в листоватых, молниеподобных рисунках А. Пушкина, поэта и художника М. Лермонтова, М. Волошина, Ф. Шаляпина, и имён других множество. Кто-то из великих сказал: “Кто владеет рисунком, тот беседует с Богом”.

ИКОНА

Я перед иконой. Смотрю на неё — этот символ духовности и нравственности, благая весть нам, человекам... с гордыней и надменностью... сильным и слабым, нищим духом, забитым и убогим... Имеющий очи да увидит, имеющий способность принять, услышать — да услышит.

Взгляни в себя, воззри в душу свою и увидишь целый мир... Что тебе откровенно — тому ты и пахарь, и сеятель, и жнец. Твоё поле может быть в запустении, может быть и богато, но есть нивы ещё плодороднее и обширнее, и причина тому — неустанный труд... уход и очищение злаков от плевел.

Исходящая сила иконы через образы говорит нам: никогда не поздно устроить свой внутренний мир, никогда не поздно очистить душу от пороков, никогда не поздно устремить себя на добрые дела... Это является сутью, её благой вестью.

Добротельность — венец человеческого существования, дарующая радость и самому, и другим. Но путь этот много тернистее, нежели сама ясная мысль. Много препон и соблазнов стоят на пути, и со слабой душой недалеко уйдёт человек по этой нравственной стезе. Тут торной дороги нет. Живая, чувственная душа открыта всему, как благодатная почва, а принять нужно только доброе семя, требующее тепла, заботы и многих усилий... а сорняки сами способны запустить свои жёсткие и сильные корни.

И необходима большая нравственная воля и сила отринуть их и выдрать вместе с корнями. И икона несёт в себе эту благую силу.

Высшая степень человеческого духа — это способность к творчеству, художеству, способность своими нравственными силами породить благую мысль и суметь вселить её в сердца людей через слово, через писанный лик, через звуки и обратить их взоры на добро и красоту.

Но редкостная сила духа способна и отверзать, и пробуждать, и очищать заскорузлые сердца. И примером тому — многие именные и безыменные служители добра и красоты, а в живописании церковных храмов и икон — Андрей Рублёв, Дионисий, Даниил Чёрный, Симон Ушаков и др., которые и не считали себя художниками в известном смысле, но служителями Всевышнего, наделившего их для этого особым даром.

Икона не может быть плоха. Она может быть лучше исполнена или хуже, и это зависит, как считали сами художники, от соответствия нравственной силы совершить этот священный акт, для чего они предварительно готовили себя к этому действу... к сотворчеству с самим Богом, постом и многими молитвами настроившись они на путь, озарённый заданной мыслью, и, очистившись от скверны и скверности, с верой устремлялись не к творению, а к исполнению обета, выверяя себя, свою веру и совесть по результатам действия обрисованного ими образа на совесть молящихся и поверивших в чудодейственность изображённых ликов.

До чего ж может быть велик в деяниях человек! Аура духовной и нравственной силы некоторых способна достучаться через века до наших чёрствых сердец и сегодня... и вызвать слёзы... слёзы вины и восторга перед Правдой, Добром и Красотой!

Душа наша жаждет очищения и ждёт его, как свежего воздуха. Всё мертво в бездуховности. Горит икона огнём цвета, огнём Правды, огнём Благой Вести, огнём Мудрости... Горит, мается душа наша, не находя соответствия принятой идеи и нашего запутанного пути... Всё мертво не дошедшее, не дотянувшееся до нашего сердца... но душа болит, значит, она приняла, значит, нравственная божественная сила художника проникла в наше сердце... значит, есть Истина... значит, требуется совершенствование...

Икона держит нас в пристойности. Она смиряет нас... до встречи с ней живущими другими мерами и принципами, она облагораживает... наполняет устойчивыми морально-нравственными силами... Я не смею богохульствовать перед ней. Не могу гордиться своими трудами — этому препятствуют нравственные критерии, заложенные в ней; не могу гнеться на всех, выделяя себя, — она не позволяет мне этот кощунственный шаг... Она заставляет заглянуть в глубь души, вызывая в судьи мою же совесть, и её благая сила ставит меня в ряд равных и наделяет способностью к очищению, самосовершенствованию.

Люди творили чудеса, и народная память сохранила сведения о них в устной речи и письменности, но чудеса художников-иконописцев мы можем увидеть, прочувствовать и по сей день!

Высок, светел человек в добродетели! Его дух способен проникнуть в Космос и воздействовать на нас веками! Талант от Бога безмерен! Способности человека в слове, музыке, голосе, живописи — беспредельны! Сила в уме, но прежде всего — в духовности... И силу таланта, Божьего дара — ни понять, ни сформулировать, ни осознать!

Слёзы, только слёзы восторга, печали, радости являются мерой моих чувств и понятий! Только сладостная щемящая боль сердца является мерой этой нечеловеческой силы, посланной нам из Вечности.

Больно сердцу!.. Тяжело душе и радостно... Невозможно жить только этим, невозможно жить и без этого...

Без этого – тем паче...

1989 г.

ВЕЛИКИЕ УЧИТЕЛИ

Мир породил многих великих людей. Ими уже наполнена так называемая ноосфера, по Вернадскому. Уже навсегда в ней расселились и оказывают воздействие своим интеллектом на все поколения в прошлом, настоящем и будущем Гомер, Фидий, Аристотель, Сократ, Вергилий, Данте, Шекспир, Ломоносов, Пушкин, Толстой... Их ряд долгов и будет продолжаться. Они рождались в разных точках планеты, в разное время и в разных странах.

Но удивительно, какое совпадение: трое величайших художников, которых знает весь мир от ребенка до старца, – Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти и Рафаэль Санти – жили и творили не только в одной стране, но и в одно время! Их судьбы тесно переплелись, и они не всегда учтиво относились друг к другу. Особенно это заметно выразилось в отношениях Микеланджело и Леонардо. Рафаэль был как бы баловнем судьбы, жил почти беззаботно с большим доверием к его таланту и признанием его физической красоты. Ему поручались выгодные и ответственные заказы и объекты, и сам Папа назначил его главным куратором строительства собора Святого Петра в Риме. Хотя есть предположения, что Рафаэль был почти безграмотным. А вот Леонардо был универсалом. Помимо его таланта художника, он был прекрасным инженером, архитектором, анатомом, музыкантом и всеми признанным эстетом и философом. Знатнейшие фамилии считали за большую честь пообщаться с ним. Он и внешне был соответственен тому высшему свету, и по воспитанности, и по одежам, и манерам. Недаром Рафаэль изобразил его в “Афинской школе” в виде Сократа. А Микеланджело был совсем иной и по натуре, и по образу жизни, и, можно сказать, фактуре. Хотя был и выходцем из древней знатной семьи, но обедневшей. Жил он, как великий трудяга, всецело отдаваясь искусству. Сам отбирал мрамор в каменоломнях, сам придумывал механизмы и способы его доставки, вплоть до выкладки дорог и создания специальных плотов и барж.

До седьмого пота рубил камень и, можно сказать, его наспех сделанные мастерские служили ему и главным жилищем. Жил он так всю свою долгую жизнь, забыв про уют и собственную судьбу. Его любовь предназначалась одной даме – Музе искусства. Правда, у него были тесные отношения и с земной дамой – это Виттория Колонна, поэтесса, с которой он переписывался, встречался, посвящал ей стихи, и она была способна философствовать с великим художником. Микеланджело был не только великим ваятелем и живописцем, но инженером, архитектором, анатомом. Есть легенда, упомыная и Пушкиным, будто для анатомических познаний он совершил преступление, убив натурщика. Но это легенда. А то, что он тайно вскрывал для этого трупы, – весьма достоверно. А уж о его титаническом труде по росписи собора Св. Петра в Риме, его архитектурном завершении барабана и купола сохранилось множество историй, документов и воспоминаний очевидцев. Якобы чтоб не терять времени и сил, он даже не стал слезать с лесов, а спал там же на досках. Как сам художник вспоминал, его одежда и обувь приросли к коже, за это время он сгорбился, походка его изменилась, и голова его привыкла к задранному вверх положению. Сложные у него были отношения не только с коллегами-художниками, но и с самим Папой. Но это не только выразилось в “безобидных” его действиях, когда он, видя с лесов Папу, пришедшего на просмотр хода его работ, не только не слезал с лесов для отчёта, а начинал сверху ронять доски, и Папа уходил от греха подальше. Серьёзное недовольство Папы на него было во время боевых действий папских войск против востановивших республиканцев, а Микеланджело был на их стороне. И его инженерные укрепления, точная наводка орудий нанесли войскам значительный урон, за что ваятель-инженер был приговорён к смерти. Великий и востребованный художник вынужден был долгое время скрываться во встроеной стене-нише,

куда тайком ему принесли пищу верные друзья. Но потом для продолжения работ в Риме он был прощён Папой и вытребован к себе. Папа Павел II назначил Микеланджело живописцем, скульптором и архитектором Ватикана.

Ещё при жизни Микеланджело признавали выдающимся поэтом. Сколько ж в его поэзии знания жизни! В ней и диалог с небом, диалог с обществом, диалог с близкими и диалог с самим собой. В его поэзии и восторг перед жизнью, и печаль этой жизни, восторг перед миром искусства и его печали, разочарования. Прожил Мастер долгую жизнь и до конца был в активной творческой деятельности и ревностным в своём труде. Начав юношей, создав шедевры в 23–25 лет, он без урона шёл своим тяжким путём художника, философа, каменотёса. Его ранним шедеврам не только удивлялись, но и не верили в возможность такого дара начинающего ваятеля. И он даже был вынужден выбить ночью своё имя на нагрудной ленте скорбящей Марии на скульптуре “Пьета”.

У него, этого несомненного гения, нужно учиться всему, а меры его недосягаемы. Ему, как никому другому, полностью соответствует понятие “Титан”.

Учусь вдохновенной пластике –

у Микеланджело,

Учусь совершенству рисунка –

у Микеланджело,

Учусь изложению мыслей –

у Микеланджело.

Эта славная троица сияет вершинами своего творчества и озаряет мысли и души ищущим и страждущим на путях искусства.

Великая слава нашим вечным учителям!

СВЕТСКАЯ СВЯТОСТЬ

Моя идея была, с самых юных лет, наживать для того, чтоб нажитое от общества вернулось бы также обществу в каких-либо полезных учреждениях. Мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь.

Павел Михайлович ТРЕТЬЯКОВ
(1832–1898)

Среди славных имён России имя П. М. Третьякова – имя особое. Все знают его заслугу перед Отечеством, народом, искусством – его собрание произведений живописи, скульптуры, графики, но мало кто знает о нём самом, о его жизни. Личность он незаурядная! Но чтоб прийти к такому выводу, нужно, необходимо пристальное к нему внимание. А он и при жизни был тих, скромн, сдержан в словах, а тем более в эмоциях. И всегда уходил на второй-третий план в прилюдных акциях. Он достоин внимания и почитания не только как уникальный коллекционер, создатель галереи национального искусства, известной теперь каждому из нас и всему миру, но и как высоко-нравственная личность. Это высочайший пример честности и чести для всякого порядочного человека. Познакомившись с его биографией, я был долго под огромным впечатлением и обаянием его – живого, доступного и недосягаемого по отзывчивости, по сердечной теплоте, исходившей от него. Ни одна судьба ни одного из героев меня так не поражала своими достоинствами.

Выходец из купеческой семьи, казалось бы, человек, преследующий и решающий задачи, далёкие от искусства, имеющий цель больших финансовых оборотов, развития мануфактур, выгоды, а то и наживы, вдруг большую часть своего интереса, движения души посвятил собранию вечного и прекрасного, содействию и развитию своей родной национальной изобразительной культуры. А ведь он и как промышленник достоин благодарной памяти рабочих предприятий и в целом общества! И на том поприще он совершил подвиг. У его рабочих был 8-часовой рабочий день, рабочие имели добротные жилища, он построил им больницы, школы, клубы. Они занимались даже театральными постановками. Построил специальную школу для глухонемых, вносил пожертвования в художественные заведения, был членом попечительских советов, которые прилежно посещал и которым прилежно содействовал.

Все, кто его знал, тем более близко соприкасался в делах, признавали его авторитет, которым он никогда не бравировал. Его художественному вкусу

и оценке произведений доверяли художники, всегда ревниво относящиеся к мнению людей не своего круга занятий. Павел Михайлович был принят в действительные члены Академии художеств – весть, которую он принял со смущением и благодарностью. Он же был удостоен и высокого звания Почётного гражданина Москвы. Всеми силами и возможностями он избегал всяких торжеств, всякой пышности празднования его юбилея и прочих дат, связанных с его жизнедеятельностью. К себе он был очень требователен, а сам в жизни непритязателен: ни к пище – самые простые блюда, не употреблял алкогольных напитков; ни к одежде – он так и не изменял крепким традициям сословного платья купечества – кафтану.

Зато к религиозным обрядам, порядочности жизни, нравственности относился самым прилежным образом, был неуклонно исполнителен, внимателен и к каждому из членов семьи, работникам дома, служителям его производств.

Великим потрясением для него была смерть малолетнего сына Вани, его надежды, наследника, его радости. И эта радость разом загасла, погрузила его во тьму печали, глухоту раздумий... Это сказалося на его здоровье, на ощущении цветности жизни, но как истинный христианин он не позволял себе полностью впасть в печаль и отчаяние и, сколько хватало сил, продолжал и производственную деятельность, и собирательскую. Однако здоровье его пошатнулось, и он в 1892 году передаёт полное своё собрание и галерею в дар городу Москве, оставаясь её попечителем, продолжая пополнять её новыми произведениями.

Галерея была оборудована по последнему слову техники на то время. Для этого он ездил в Европу за опытом по сохранению произведений, знакомился с температурным режимом и другими специфическими тонкостями галерейного строительства.

Доступ в галерею был бесплатен для всех сословий, и часто Павел Михайлович сам сопровождал посетителей и комментировал содержание и эстетические достоинства картин.

На 66-м году перестало биться сердце этого тихого, скромного, великого человека, великого труженика и подвижника. Подвиг его тих и велик. Ни от кого и никогда он не ждал благодарности. Он просто творил добро. Его совесть, нравственность, можно сказать, идеальны! И если это применимо к светскому человеку, то можно сказать: “Он свят!” Святы дела многих духовных подвижников, и мы помним их, чтим их, но П. М. Третьяков оставил ещё и материальный след, действующий на нас благотворно и поныне. По его заказу художники создали галерею портретов наших славных соотечественников, и мы зрим их. А с какой неохотой он сам согласился позировать И. Крамскому и, после долгих уговоров, Илье Репину. И мы знаем его чистый, благородный лик, у которого душа была истинная христианка. Сколько художников он поддержал, вызволил из бедноты, поспособствовал развитию их таланта!

Хорош памятник ему у галереи работы А. Кибальникова, но он достоин памяти в наших сердцах!

ХУДОЖНИК

Куда ни кинь взор – везде следы деятельности художника. Это и одежда, и причёски, и жилище, и посуда, предметы быта, транспорт... словом, всё и на суше, и в воде, и в воздухе. Всё это – труды художника-дизайнера, визажиста, декоратора и в жизни, и театре, кино, книгах... А вот фигура истинного художника в конкретном, историческом его понимании – как живописца, скульптора, графика – почти вытеснена парикмахерами, модельерами, а ещё более – шоуменами от искусства. Всё стало с ног на голову! Если художник, обладающий, как говорилось раньше, божественным даром, напишет реалистический портрет со сходством, передаст глубину психики, с какими-то атрибутами жизнедеятельности, его тут же обзовут и натуралистом, и подражателем природы, и рутинёром-консерватором, и подражателем-копиистом, и кем угодно, но не творчески одарённым художником; слепцом, не замечающим перемен в сегодняшнем искусстве. Понятие “реализм” раздражает нынешних “искусствоведов-апостолов”, формирующих новые эстетические категории и даже самую личность художника. Символы, знаки, условности, теории подсознательного, индивидуализация, инновации, инсталляции – вот основы новой идеологии свободного творчества, интуитивного самовыражения.

Вот это самовыражение и приводит к самовырождению. И получается парадокс: чтоб поступить в художественное заведение — надо уметь рисовать, писать, лепить. А окончив это заведение, выйдя на путь свободного творчества, выпустившись, “обязан” забыть освоенные знания и заняться “самовыражением” не на пути, заданном и проторённом великими предшественниками мировой культуры, а изощряться в псевдокультуре, соревнуясь с шарлатанами, превращая высокую духовную культуру в шоу и трюкачество. И чем бездарнее человек, тем он активнее изощряется, пуская пыль в глаза, глумясь над доверчивостью публики, нагло и бесстыдно пропагандируя свой бездарный цинизм перед достойными профессионалами. Вот, мол, мои фокусы “кушает” публика, галереи и музеи для нас открыты, наши теоретики обосновывают нашу новую передовую авангардную культуру — и мы востребованы. Мы на виду, хоть нас не понимают, но вынуждены принять, вынуждены дораста до этого понятия. А вы, стойкие мудрецы, продолжатели лучших традиций, потерпите и даже понуждайтесь в земных благах. Людям, массам трюки, фокусы нравятся, а мы уж постараемся им наше “искусство” преподнести как подлинное и истинное с глубинным смыслом. А умными и передовыми всем быть хочется. Вот и преуспеваем. А ссылок на мудрую символику — предостаточно! Это иероглифические изображения, древнее религиозное искусство, да и сам Эзопов язык в литературе. И многие другие условные знаки, окружающие нас в жизни, подкрепляют наши теории и эстетические позиции. И только возрази им, только выступи, как на тебя же и укажут пальцем, как на отсталого и жалкого подражателя. То ты — так, человек из нейтральной массы, а в этом случае ты — под прицелом, и дороги в галереи, выставочные залы, музеи тебе закрыты. Ты — изгой. Индустрия шоу-искусства тебя раздавит.

Вот и шагает по миру “голый король”, вот и вынуждены признать, что он в изящной, тонкой материи одежде. А “голос мальчика” не слышен в шуме оваций и рукоплесканий. Клань сколочены, круговая порука, а там уже близки и рычаги политики.

Всё это сказывается на учащейся молодёжи. Она уже уверенно знает, что добротное классическое образование не нужно. А учиться по-настоящему трудно. Не случайно в императорской Академии художеств учились от возраста мальчика до бороды. Наука изобразительного искусства — тонкая материя: истинный художник совершенствуется всю жизнь. В мире же шарлатанства процветают изворотливые люди. Ценз уровня для поступления в вуз пал, и разного рода конъюнктурные факторы позволяют поступать в учебные заведения бездарностям, но, выходя за ворота учебного заведения, они попадают в обойму правящих и... процветают. Утратить навыки, с трудом освоенную культуру высокого искусства — легко и быстро, в одно-два поколения, а вот возродить — пути неисповедимы.

Наступает момент, когда просто некому будет учить. Правда, свято место пусто не бывает, и “учителей” — сколько хочешь и с перебором, но они, сами не получившие достойного образования, как говорят, и под расстрелом уже не смогут создать портрет или тематическую картину. И Запад — тому пример. Там выродилась картина, там царствует концепция. А это уже не изобразительное искусство, а псевдофилософия. Тут уж шарлатанству — широкое поле! И псевдоискусствоведы стараются угодить заказчику. Про творчество истинного художника надо писать, проникаясь его духом, внедряясь в суть произведения, характерные индивидуальные его особенности, а то и глубинно знать сюжет, историческую ситуацию того времени и многое другое; забыв себя, помочь зрителю полнее понять произведение и самого автора. А тут, при беспредметном самовыражении одного, он также беспредметно выражает себя, поёт свою песню. Как удобно наполнить пустопорожнюю словесной шелухой пустопорожнюю форму. А было-то как?!

Красота, искусство — это потребность человека. Сыт человек, и ему уже хочется петь, плясать, украсить себя. Есть ощущение сверхсил, олицетворённых в образах, и тут уже требуются особые способности человека-художника. Устройством жилища, храма, дворца, изваяния, картины, выделить этими средствами вождя, жреца, императора... Художники были востребованы всегда. И примеры тому, удивляющие нас и сегодня, — произведения Древнего мира, античной эпохи, Возрождения, классицизма. Фотография не в силах заменить труд художника, заменить произведение психологическое, а тематическую картину — тем более! И жизнь уже доказала это. Но художником

быть трудно, а сфера его жизнедеятельности весьма привлекательна со стороны, и рвутся туда многие, абсолютно не соответствующие ни по способностям, ни по призванию. Вот и смешали, и сместили они все меры эстетических категорий. Каким бы мы знали античный мир без всем известных скульптур, монументов? Чем бы было наполнено понятие Ренессанс без фресок и скульптур великого Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля Санти? А перед ними — Джотто, Боттичелли, Донателло, Вероккио? А Никола Пуссен, а Гольбейн, Дюрер? А Брюллов, А. Иванов, Тропинин? Их приглашали императоры, владетельные князья... Папа Римский не отпускал их от себя, ценя их таланты, доверяя им всецело и строительство храмов, их роспись... Художники занимались и укреплением городов, инженерией, вооружением... Нередко они выполняли дипломатические поручения. Имя флорентийского властителя Медичи, Лоренцо Великолепного, навсегда слилось, вписано в историю наравне с великими художниками, которым он способствовал с обоюдной пользой. И в России были те же взаимоотношения царствующего двора с художниками. Вспомним хотя бы творческий союз Николая I и гениального художника-медальера Петра Толстого, вице-президента Академии художеств, по изготовлению серии медалей, посвящённых Отечественной войне 1812 года, по отношению к творчеству К. Брюллова.

А как заботился Пётр Великий о развитии собственной школы отечественных художников? И приглашал иностранцев, и посылал туда учиться своих. Была создана своя, родная Академия художеств, которая воспитала целую плеяду прекрасных художников. Их произведения в Русском музее, Третьяковской галерее, в залах Академии духовно питали и питают общество. Но в последние годы дан резкий крен в сторону формализма и шарлатанства. Поделки оскорбляют достоинство этих музеев, оскверняют, засоряют наши души. В “Новой Третьяковке” — вообще разгул вседозволенности и цинизма. Идеальный штат или штаб этих музеев всеми силами стремится доказать, что они “понимают” это “искусство” и сумеют донести до публики его “ценность”. И доносят. Результаты налицо. Публика отвернулась от этого псевдоискусства, которое скомпрометировало высокое имя художника, и пал его авторитет. А выскочки от “шоу-искусства”, конечно, мелькают по экранам и обложкам, ещё более удаляя современного художника от общества. Царствует сегодня эстрада, экранные кумиры, крепкие парни и под стать им длинноногие красавицы.

Но, слава Богу, в России ещё не извелись художники, хоть почву под их ногами разрушают всеми силами. И на это выделяют народные средства миллионами в валюте! Потребность в красоте не угасает, и если люди не находят удовлетворения в навязываемых им “шедеврах” профессионального искусства, они “идут в народ” и приобретают картины у самодельных художников. Всё это хорошо. Но плохо, если великое русское искусство в целом падёт до уровня самодеятельности. Это будет невосполнимый урон и урон авторитета России в целом мире. Истинная Красота не зависит от оценки, от художественной политики. Она есть или её нет. Она доступна всем, если не извращена. Другое дело — степень восприимчивости. И на этом умело играют и немало преуспели корыстные дельцы, превратившие искусство в индустрию наживы и политики. Раньше искусство помогало развитию государства и управлению им, а теперь — разрушению держав и управлению всей планетой. Народ инертен, покорен. Трудно художнику, но он должен быть стойким. На то он и художник.

О РУССКОСТИ

Можно ли называться русским, если не знаешь, а следовательно, не любишь народных песен, сказок; если не знаешь хоть сколько-то историю предков из глубины веков, если не знаешь героев, духовных подвижников... литературу, музыку... Если сразу при звуках и ритмах от “Майкла”, от “Мадонны” и других подобных имён “из-за бугра” ты начинаешь конвульсивно дёргаться и входить в восторг телячьей радости... если знаешь, кто из них, когда и с кем... какие детали туалета они носят, а из языка Пушкина и Толстого используется сотая часть, да и то со “связочками” из подворотного... Это ли русскость?!

Россия... Русь Святая... Как волнуется сердце уже при произношении этих слов, а главное, при охвате смысла этих слов! Сразу представляешь историческую поступь великого народа, его сложного, трудного, но светлого

пути. Конечно, на этом пути были не только радость, но и великие печали.

Как понимать русскость, что такое русский человек? И почему этот вопрос вновь стал злободневным? Славянофилы и западники – давнишнее разделение одного этноса, одной нации и даже национальности. Русский мужик с поля, поэт Кюлев, Есенин, Василий Белов и... русский Пушкин, Толстой, Чехов, Бунин, Шаляпин... По мне равно русскими людьми являются и Аксаков, и Белинский, художники Иванов и Кустодиев. Русскость не во внешних проявлениях и внутренней традиционно народной замкнутости, а в натуре, способной сопереживать всё вместе с нацией, не отстраняясь от неё. Иначе можно дойти до крайностей, и тогда И. Тургенев, и А. Иванов, и Н. Гоголь, прожившие за границей многие годы, – не русские...

Не говоря уж о вечно упоминаемом в таких случаях Петре Великом! Да не будь Петра – не было б и Пушкина, и Лермонтова, Суворова и Кутузова, Ломоносова и всего того, чем мы гордимся и поныне. Наука, техника, культура, армия, офицерство, флот... Территория страны, наконец! А целый город Санкт-Петербург с его академиями, кунсткамерами, мостами, усадьбами?!

Ф. М. Достоевский, в русскости которого мало кто сомневается, говорит: "...русский получил уже способность становиться более русским лишь тогда, когда он наиболее европеец". И тому пример он сам, и Тютчев, Чайковский, Третьяков, Станиславский, Булгаков... Нерусские люди – это те, кто проживает на территории Матушки-России инертно, бездумно, которых предостаточно в наших городах и вёсях. Он и землю не знает, он и церковь забыл, и забыл все связи со своими предками. Мало того, он бывает даже враждебен к ним. И хоть он и Иван или Иван Иванович, но слаб его стержень и ненадёжен он как опора; неустойчив он к соблазнам и пристрастиям.

Только не теряющий кровную и духовную связь со своим народом и своей культурой, да ещё ориентирующийся в общемировой, может быть достойным представителем нации и способствовать её процветанию.

Человек, равнодушный ко всему национальному, хоть и преуспевающий, – нерусский человек! И пренебрегающий мировой культурой – тоже малостоящий русский человек!

Сколько наших вынужденных эмигрантов, живя на чужбине, благодаря широкому кругозору, оставались истинно русскими людьми, сохраняя в быту лучшие традиции и высоко представляя там русского человека. Соприкосновение культур способствует взаимообогащению. Русская культура, имея богатую основу, во многом зиждется на культуре эллинской, античного Рима, религиозных устоях, заимствованных у других народов... И это не во вред нам.